

ДЕТИ ВОЙНЫ: ЛИЧНЫЕ ИСТОРИИ

Леонтьева Алла Николаевна (родилась в 1942 г. в Литве).

... В 45-м русские самолёты начали бомбить наш лагерь в Германии. Люди ложились прямо на землю, и мама молила Бога, чтобы Он сохранил нам жизни. Когда самолёты улетали, вокруг нас лежали мёртвые, а мы оставались живы. Вскоре наши войска освободили пленных, нас посадили на товарняк, и через месяц мы были уже у родных в Ишиме. Помню, я очень боялась заводских гудков, пряталась в сарай или падала на землю с криком «Алярма!» (alarm – по-английски «тревога»). Если мимо неожиданно пролетала оса или пчела, я думала, что это пуля, плакала и кричала. После войны меня долго лечили от заикания и других болезней.

Кригер (Мальцева) Нина Дмитриевна (родилась в 1942 г. в Ачитском районе Свердловской области).

... Наверное, была осень, и все из деревни ушли на работу в колхоз, а я как самая маленькая осталась одна. Ровесников у меня не было, а все, кто старше пяти лет, уже считались рабочей силой и помогали взрослым. Мне было страшно, и я горько плакала, а около сидела собака и тихо подвывала. Наверное, ей тоже было одиноко. Деревня-то наша совсем крошечная была – девять домов всего. Называлась она Белый Ключ. Мне всегда хотелось есть...

Нина Николаевна Селькова (родилась в 1938 г. на станции Сысерть Полевского района Свердловской области).

... Когда отца забирали на фронт, мне было два с половиной года... он держал меня на руках и называл Никой. Это были последние ласковые слова, которые я слышала от папы. С мамой нас осталось пятеро, я была самая маленькая. До войны отец начал строить небольшой дом, но закончить строительство не успел. Вот мы там впятером с мамой и жили. Дров не было, а топить надо было утром и вечером. Помню, что пол всегда был очень холодным, а согреться как-то надо было. Из леса носили вязанки дров на спине. Иногда удавалось утащить какое-нибудь бревно, но его ещё нужно было распилить. Брат меня на три года старше, так он пилу дёргал посильнее, а у меня она постоянно гнулась. Он меня ругал, говорил: «Дёргай сильнее и быстрее». А у меня-то сил не было...

Скворцов Леонид Павлович (родился в 1949 году в селе Нижняя Тавда Тюменской области).

... Отца призвали в РККА в октябре 1940 года, когда мне было 10 месяцев. В 1942 году он погиб под Ленинградом. Мы жили в селе Нижняя Тавда Тюменской области, мама работала в колхозе... всё время на полях, я один дома оставался – некому присматривать было... В колхозе тогда работали за трудодни, денег не платили. Чуть легче стали жить, когда в 1949 году мы

переехали в Свердловскую область, мама стала работать в совхозе «Пионер». Она была лучшей дояркой Талицкого района и в 70-е годы ездила на ВДНХ.

Задорин Александр Михайлович (родился в 1941 году в Челябинской области).

... Мой отец Михаил Иванович Задорин ушёл в действующую армию в марте 1940 года, а я родился спустя шесть месяцев, в сентябре. Жили мы тогда в колхозе имени Ворошилова в Челябинской области... Жизнь в те годы была очень тяжёлой. Всё, что мы могли вырастить, сдавали государству – для обеспечения фронта. Хлеба почти совсем не видели. Собирали лебеду, искали весной на полях прошлогоднюю несобранную картошку, из которой жарили оладьи... Мама в войну работала на комбайне... летом она жила и работала в деревне, а вот зимой была вынуждена жить за 10 километров от дома, в тракторной мастерской, расположенной в селе Верхняя Теча. Я же в это время жил с дедушкой и бабушкой, папиными родителями.

Ижболдина Валентина Петровна (родилась в посёлке Северском, Полевской район Свердловской области).

... Папу забрали на военные сборы 7 июня 1941 года. Нам сказали, что это дней на 20. Больше мы папу не видели. Он пропал без вести в самом начале войны, в августе 1941 года. Провожали мы его до нашего пруда, где работала лодочная переправа на другой берег. Там была дорога на криолитовый завод, откуда их и отправляли на сборы. Не успели мы вернуться с пруда, а дома уже нет нашей лошади! Оказалось, пока нас не было, её забрали в артель. Сказали: «У вас сейчас мужика в доме нет, лошадь не нужна». Обещали нам за неё чем-нибудь помогать, но так дальше обещаний дело и не пошло...

Безукладникова Валентина (родилась в 1936 году в Куйбышевской области).

... В 1943 году я пошла в первый класс. Учебный год начинался 1 октября: пока в колхозе урожай не соберём – никакой школы. На всю школу одна учительница и один учебник – «Родная речь». Мы его на листочки разрывали и по очереди брали домой учить одну страничку, а потом другую, и так по очереди всю книгу. Чернила у нас были из сажи. Разводили её кипятком и писали. Три дня сажа держится, а потом высохнет, осыплется, и можно снова писать. Если у кого был карандаш, даже химический, – это уже богатство! Так и учились...

Леонтьева Алла Николаевна (родилась в 1942 г. в Литве).

...Мой отец был военным. Его часть стояла в местечке Серяджиус под Каунасом. Мама и папа женились в апреле 1941 года, но уже через 2 месяца началась война и отца забрали на фронт. Он погиб 12 ноября 1941 года в бою под Ленинградом. Мама рассказывала, что, когда я родилась, меня даже не во что было завернуть и кормить было нечем – у мамы не было грудного

молока. Выручала одна старушка, которая до прихода немцев прятала нас с мамой от своих же литовцев. В сентябре 1943-го всех жён военнослужащих угнали в Германию. Зимой они трудились на металлургической фабрике, весной, летом и осенью – на сельхозработах. Вкалывали как рабы – с пяти утра до 11 вечера. Всё это время дети находились в бараке под присмотром немки из войск СС. Этот кошмар продолжался до февраля 1945 года.

Ижболдина Валентина Петровна (родилась в посёлке Северском, Полевской район Свердловской области).

... С началом войны мы узнали, что такое голод и холод. Всю скотину у нас забрали для обеспечения нужд фронта. Чтобы нас прокормить, маме пришлось распродать много добрых вещей. Некоторые из них были куплены перед самой войной. Больше всего мне было жалко тёплое пуховое одеяло, которое мы выменяли на одну селёдку. Потом за булку хлеба был отдан новый комод. Дальше – больше: чтобы выжить, пришлось поменять наш большой дом на дом поменьше.

... Спасало ещё то, что у нас был свой огород. Правда, в первый год войны картошки мы дождаться так и не смогли – однажды утром, выглянув в окно, ботвы не увидели: кто-то ночью тихонько выкопал весь картофель, оставив нас голодать дальше. Плакали тогда все вчетвером. Плакали сильно, навзрыд. С тех пор война для меня – это в первую очередь страшный голод и постоянный страх за свою жизнь и за жизнь близких. Не дай Бог такое пережить кому-либо.

Алапаевск. 22 июня 2011 г. На площади Победы чуть в стороне от центральной аллеи открыт памятник детям, пережившим Великую Отечественную войну.

Деньги на памятник собрали «всемирно» и при поддержке депутата Областной Думы Максима Иванова. На открытии было много пожилых людей, тех, кто еще помнит годы войны. Церемония прошла без громогласных речей, тихо, спокойно, искренне. Все были с цветами, которые через полчаса усыпали подножие монумента.